

Взгляд на мир из Русского мира

Л.В. Макарова

Попытки разгадать загадочную русскую душу в современном культурном и политическом контексте отнюдь не представляются чисто кабинетными умозрительными упражнениями. Сегодня, когда события на Украине обнажают цивилизационный разлом между западным и российским социокультурными пространствами, рефлексия по поводу русского мировоззрения становится действующей силой интеграции общества.

Одной из попыток такого рода рефлексии является многотомный труд С.А. Никольского в соавторстве с В.П.Филимоновым «Русское мировоззрение», с которым в полном объеме можно познакомиться на сайте Института философии РАН.

Труд задуман как фундаментальный, охватывающий период с конца XVIII в. до начала 90-х гг. XX в. В настоящий момент в свет вышли первые три тома. Авторы подчеркивают, что термин «русское» трактуется ими не в этническом, а в предельно широком — культурном смысле: даже если индивид не принадлежит к русскому этносу, но принимает как родную русскую культуру и русский язык, а также, будучи верующим, исповедует православие, а не, к при-

меру, ислам или иудаизм, то о его мировоззрении можно сказать, что оно русское. Так, в XX в. «русскими поэтами» ощущали и называли себя, например, великие мастера русского слова — евреи Осип Мандельштам и Иосиф Бродский.

Исследовательским материалом, на основе которого авторы анализируют русское мировоззрение стала русская литература. Насколько оправдан такой подход? Представляется, что оправдан, и в пользу этого утверждения можно привести различные аргументы. Если понимать литературу как высшее проявление языкового творчества, а язык — как базовый институт, формирующий социальное пространство¹, то с точки зрения социологической именно в литературе нужно искать базовые ценности общества, которые литература передает из поколения в поколение с помощью образов-символов. Так, авторы особенно подчеркивают языковые проявления сознания, фиксируемые языковедами как «типично национальные» понятия, та-

¹ Макарова Л.В. Социологические теории как путеводитель по биографии. Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 2 (34). С. 146–150.

кие как *душа, судьба, тоска, счастье*, а также такие слова, как *собираться, добираться, постараться, сложилось, довелось, получилось, появилось*. Эти понятия, как отмечают филологи, являются специфически русскими, характерными именно для нашей национальной языковой картины мира и в других языковых картинах мира отсутствуют. Жаль, что поиск и анализ проявления этих специфических понятий в русской литературе не стал одним из методов исследования в данном труде.

С точки зрения социально-философской именно философ и художник, в частности литератор, обнаруживают сущность национального духа, своеобразие нации как соборной личности, символизируют социальное пространство. Нужно отметить, что анализ соотношения характеристик личности писателя и тех черт русского мировоззрения, которые он представляет в своих произведениях, красной нитью проходит через исследовательский проект. Так, например, личность Ф.М. Достоевского соотносится с характеристиками «подпольного человека».

Авторы достаточно четко обозначают методологические основания своего исследования, начиная с определения национального мировоззрения как осознанной, отрефлексированной и определенным образом упорядоченной системы, в своем «устойчивом ядре» присущей многим (если не большинству) людям, принадлежащим к определенной национальности или причисляющим себя к определенной культуре (например, культуре русской). Обозначая вопрос о методологии исследования такого сложно уловимого явления, как на-

циональное мировоззрение, авторы признают возможность и необходимость опоры прежде всего на рациональные основания понимания, а не на основания сочувствия. Авторы подчеркивают, что в системе русского мировоззрения сочувственному постижению могут быть доступны только такие его элементы, которые действительно вызывают в исследователях согласное, согласованное чувство (со-чувство). Если же эти элементы такового чувства не вызывают, а, напротив, порождают неприятие или даже негодование, то исследователям не остается ничего иного, кроме как постараться понять и рационально объяснить наблюдаемое. Делать это нужно, конечно, стараясь принимать в расчет реалии не сегодняшнего дня, а насколько возможно того исторического времени, к которому эти реалии относятся. Таким образом, одним из методологических оснований исследования становится историзм. Национальное мировоззрение понимается не как абсолютно устойчивая данность, а как исторически формируемая и изменяющаяся система взглядов.

Критериями отнесения той или иной мировоззренческой характеристики к национальному мировоззрению авторы относят:

- частоту упоминания и обоснованность именно как национальной самими писателями;

- раскрытие писателями или философами в их произведениях исторических условий, обстоятельств или событий, на которые интуитивно, а иногда и доказательно указывается как на причины появления тех или иных мировоззренческих черт.

Первый том авторы посвятили исследованию мировоззрения рус-

ского земледельца², при этом под земледельцем понимается не столько крестьянин, сколько русский человек аграрного типа, что позволяет отнести выявленные характеристики не к сословному, а к национальному мировоззрению. Материалом для исследования земледельческого мировоззрения стали произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, И.С. Никитина, Д.В. Григоровича, А.Ф. Писемского, В.А. Соллогуба и И.С. Тургенева. Впрочем, проявления земледельческого мировоззрения русского человека становятся предметом внимания авторов и в двух других томах исследования. Нужно отметить, что авторы не резюмируют совокупность выделенных ими характеристик русского земледельческого мировоззрения, так что этот труд выпадает на долю читателя.

Как же можно охарактеризовать мировоззрение русского человека аграрной эпохи на основе текста монографии? Прежде всего как противоречивое, состоящее из крайних противоположностей. Так, носителями земледельческого мировоззрения являются противоположные по своему положению классы — крестьянство и дворянство. При этом крестьяне и дворяне связаны в единое целое взаимными обязанностями: с одной стороны, беспрекословного послушания, с другой — попечительства. Мировоззренческой поддержкой попечительских обязанностей дворянства является представление о чести — дворянин ни в коем случае

не должен быть озабочен личной выгодой. Все корыстные образы дворян — карикатурны. Даже колонизаторская активность русских не связана с извлечением выгоды, а привычка жить, не считаясь со средствами, является устойчивым стереотипом, демонстрирующим равнодушие к денежным вопросам. Хозяйственная деятельность русского человека аграрной эпохи представляется весьма парадоксальной; в исследовании отмечается, что примеры хозяйствования по рациональной модели в нашей литературе сравнительно редки и чаще появляются — и уже в первой половине XIX в. — помещики разоряющиеся, с идеологией неудачливых хозяйственников. Крестьяне тоже весьма ограничены в своих представлениях о возможностях улучшения хозяйствования: «наш чернозем соху любит». В то же время крестьянин при всем нежелании совершенствовать хозяйство способен мелочно и пристрастно делить имущество с собственным сыном. В картину мира земледельца вполне вписывается тотальная несправедливость мира — страшное семейное насилие, подкупность общины, произвол помещика. Такое принятие и признание неспособности что-либо изменить во многом объясняется зависимостью от природы: сколько землю не почитай матерью, она в любой момент может преподнести сюрприз в виде побитого градом урожая. Отсюда принципиальная иррациональность русского земледельческого сознания, отсюда знаменитый русский «авось».

Тем не менее, мировоззрение по определению не может оставаться внутренне противоречивым, ведь это целостная картина мира, которая дает человеку, а в случае националь-

² Никольский С.А., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. Т. I. Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – сер. XIX в. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 416 с.

ного мировоззрения и целому народу, опору в реальных социальных действиях. Противоречия картины мира русского земледельца преодолеваются верой, как пишут авторы, апелляцией к будущему внеземному существованию, надеждой на которое силен человек. Не религиозность, утверждающая справедливость и порядок на земле, а именно религиозность, все свои надежды переносившая за пределы земного бытия, делает русское земледельческое мировоззрение исторической действующей силой. Действительно, трудно себе представить, чтобы земледelec, в основе мировоззрения которого рабское неверие в собственные силы, смог бы освоить столь громадные пространства и преодолеть столь трудные исторические испытания. Можно сказать и так: именно благодаря вскрытию всех самых неприглядных характеристик русского земледельца, представленных в отечественной литературе, понимаешь, насколько это возможно для современного человека, колоссальную цементирующую роль религиозной веры. Человек, всегда боявшийся в жизни всего — отца или мужа, старосты или священника, помещика или царя, засухи или града, — не боится смерти, если у него есть вера. При этом, чем прочнее эта вера и чем больше она связывает в единое целое земледельческое мировоззрение, равнодушное к социальным преобразованиям, тем острее стоит вопрос, поднятый авторами во втором томе их исследования³: возможно ли в России позитивное дело?

Вопрос этот с особой требовательностью встает в 40–60-е гг. XIX в. в контексте отмены крепостного права и начала становления в России индустриального общества. Второй том исследования основан на анализе философских и литературных произведений Н.П. Огарева, А.И. Герцена, М.А. Бакунина, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, С.Т. Аксакова, Д.В. Григоровича, Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова. Впрочем, в контексте решения вопроса о возможности в России позитивного дела речь идет не столько о выявлении каких-то новых характеристик русского мировоззрения, сколько о столкновении мировоззрения земледельческого с позитивным. Носителями позитивного мышления становятся в первую очередь представители передового дворянства, которые, следуя пониманию своей исторической миссии и представлениям о чести, стремятся улучшить жизнь крестьян и послужить России. Но такие намерения не принимаются в рамках привычного крестьянам земледельческого мировоззрения. Ярким примером такого непонимания является образ Константина Левина, который показывает если не бесплодность, то, во всяком случае, безумную трудность хотя бы отчасти поколебать часто проявляющийся иррационализм хозяйственного поведения русского крестьянина. Коренная его причина — фундаментальная, не требующая логического обоснования и, более того, исключающая его в принципе, — бездумная верность вековой традиции, нормам и спосо-

³ Никольский С.А., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. Т. 2. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечествен-

ной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 540 с.

бам поведения предков. Эта вековая традиция во многом держится на приспособительно-потребительском, а не деятельностно-творческом отношении русского человека к природной среде. Но, как уже показали авторы в первой части своего исследования, помещики и крестьяне едины в своем земледельческом мировоззрении, и изнутри этой веками спаянной системы существенных изменений произойти не может (вспомним хотя бы, с каким удовлетворением, никак не обоснованным экономически, но так свойственным единому с природой земледельцу, Левин косил вместе с крестьянами).

Со второго тома исследования создается впечатление, что речь идет уже не столько о едином национальном мировоззрении, сколько о его распаде на мировоззрения отдельных социальных групп, сохраняющих те или иные отдельные характеристики земледельческого мировоззрения. Так, гончаровский Штольц, самый, казалось бы, удачливый представитель позитивного делания, все же не представляет собой тип холодного рационалиста, а хранит в душе любовь к сонной Обломовке и бездеятельному Илье Ильичу. Так, люмпенизирующиеся крестьяне, описываемые в произведениях писателей-народников, все еще сохраняют сознание обреченной преданности судьбе.

Третья часть исследования русского мировоззрения посвящена новым людям как идее и явлению отечественной истории⁴. Хронологически второй и третий тома исследования

практически совпадают, но если во втором томе речь идет фактически о распаде русского земледельческого мировоззрения, то в третьем томе обозначаются первые ростки нового. В предисловии к третьему тому авторы определяют нового человека как «городского человека», оторванного от природной среды, человека, лишенного личной родовой истории и традиций. Фактически речь идет о зарождении русского мировоззрения, соответствующего индустриальному типу общества. В эту часть исследования вошел анализ произведений А.И. Герцена и Н.П. Огарева, П.Н. Ткачева, Н.К. Михайловского, П.Л. Лаврова, Н.Г. Чернышевского, Н.С. Лескова, Г. Успенского, С. Каронина, М.С. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, А.В. Сухово-Кобылина. Во взятых для третьего тома хронологических рамках такой новый человек, как правило, характеризуется качествами с приставкой «не». Эти люди не имеют позитивных целей, не связаны с природой, не размышляют о смерти как жизни в ином мире. Десакрализованное мировоззрение находит свое выражение в утопических проектах всеобщего благоденствия Чернышевского, в страшной реальности «подпольного» человека Ф.М. Достоевского, в старом домостроевском самодурстве «денежных людей» из пьес А.Н. Островского, в безразмерной корысти чиновничьей корпорации, изображенной А.В. Сухово-Кобылиным.

Можно сказать, все старое искажается, становится карикатурой на самого себя — обломовские мечтания

⁴ Никольский С. Русское мировоззрение. Т. 3. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и

классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 709 с.

превращаются в сны Веры Павловны, приверженность традиции — в купеческое самодурство, излюбленная русская идея о соборном спасении — в чиновничью круговую поруку. Такое тотальное искажение наводит на мысль о принципиальной несовместимости русского земледельческого мировоззрения с индустриальным позитивизмом. В самом деле, характеристики общества, а не общины прямо конфликтуют с русским земледельческим мировоззрением. Русский человек чувствует себя частью природы, но оказывается загнанным в душный город. Русский человек ненавидит обезличенную институциональность, ему нужен личный царь и личный, его, помещик, но на каждом шагу он сталкивается с громадной бюрократической машиной. Русский человек презирует профессиональное старание, но вынужден выходить на рынок в качестве рабочей силы.

Безусловной удачей исследования можно назвать понимание, вернее сказать, даже прозрение того, насколько великая русская литера-

тура второй половины XIX в. отражает страшный мировоззренческий кризис русского человека. Вероятно, именно в природе этого кризиса можно найти ответ на вопрос: почему столь своеобразно, столь извилистым путем пошло в России становление индустриального общества? Какое оно — русское мировоззрение индустриальной эпохи, как примирилось с мировоззрением земледельца и примирилось ли? Можно ли сегодня говорить о кризисе русского мировоззрения индустриальной эпохи? Что произошло с открытым еще А.С. Пушкиным (по словам авторов) механизмом становления личности в российском социуме — через взаимодействие суверенных индивидов, через их совместное перекликающееся жизнепроживание на общем испытательном пути?

Представляется, что такое множество вопросов, возникающих в результате прочтения первых трех томов, — большая удача, поскольку предлагает исследовательскую интригу и дает простор для размышлений.

Список используемых источников

1. Макарова Л.В. Социологические теории как путеводитель по биографии. Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. № 2 (34). С. 146–150.
2. Никольский С.А., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. Т. 1. Русское мировоззрение. Смыслы и ценности рос. жизни в отеч. лит. и философии XVIII — сер. XIX вв. М.: «Прогресс-Традиция», 2008. 416 с.
3. Никольский С.А., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. Т. 2. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 540 с.
4. Никольский С.А. Русское мировоззрение. Т. 3. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 709 с.